

*Василий Лурье*¹

АНТИКРИТЕРИАЛИЗМ И НЕЧЁТКОСТЬ МИРОВ. ПО ПОВОДУ КРОСС-МИРОВОЙ СЕМАНТИКИ ЕВГЕНИЯ БОРИСОВА

Аннотация. Рассматриваются главным образом две проблемы, решение которых может быть особенно важным для кросс-мировой семантики: антикритериализм (представление о том, что идентичность не может до конца определяться какими бы то ни было критериями) и нечёткость миров (возможные миры, границы между которыми нечёткие). Эти проблемы важны, в частности, для таких приложений кросс-мировой семантики, как логика образований не прямых значений в естественном языке и логика нарратива.

Ключевые слова: антикритериализм, не прямые значения, нечёткие возможные миры, логика нарратива.

Basil Lourié

ANTICRITERIALISM AND FUZZINESS OF WORLDS. CONCERNING EVGENY BORISOV'S CROSS-WORLD SEMANTICS

Abstract. The study is focused on two problems related to cross-world semantics: anticriticalism (the idea that identity cannot be defined by any criteria whatsoever) and fuzziness of possible worlds (possible world semantics where the worlds are fuzzy). These two problems are important, in particular, for the logic of indirect meanings in natural language and the logic of narrative.

Keywords: anticriticalism, indirect meaning, fuzzy possible worlds, logic of narrative.

Для цитирования: *Лурье В. М.* Антикритериализм и нечёткость миров. По поводу кросс-мировой семантики Евгения Борисова // *Логико-философские штудии*. 2021. Т. 19, № 4. С. 283–290. DOI: 10.52119/LPHS.2021.15.51.007.

В каких случаях логика естественного языка подразумевает многомировую семантику? Для многих проблем это вопрос спорный, и подход Евгения Борисова отчасти помогает этот спор разрешить. Кроме того, автор несколько расширяет заявленную в названии статьи тему и переходит от проблем собственно естественного языка к проблемам теоретической нарратологии, или, точнее, логики нарратива.

---

¹*Лурье Вадим Миронович* — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права СО РАН (Новосибирск).

Basil Lourié, Dr. habil. in Philosophy, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation).
hieromonk@gmail.com

Когда автор задумывается о свойствах Шерлока Холмса в нашем актуальном мире — это уже не логика естественного языка, а логика нарратива, то есть логика изготовления некоего продукта при использовании естественного языка. Именно эти два аспекта статьи меня интересуют главным образом.

1. Антикритериализм

Проблема кросс-мировой предикации упирается в более фундаментальную проблему кросс-мировой референции: чтобы отслеживать кросс-мировую судьбу предикатов, мы должны быть уверены, что между разными мирами у нас не потерялся сам объект, к которому эти предикаты отнесены. Если считать, как это делают многие, от Аристотеля до И. Б. Микиртумова (чьи взгляды оспаривает Борисов), что объект определяется через дескрипцию, то, вероятно, кросс-мировая предикация столкнется с новыми трудностями. Но Борисов радикально отбрасывает позицию большинства, заявляя: «...я не считаю, что кросс-мировое тождество объекта, т. е. тот факт, что один и тот же объект может существовать в разных мирах, должно устанавливаться на основе свойств, которые объекты имеют в возможных мирах. Более того: я не считаю, что оно должно устанавливаться каким бы то ни было способом».

Такую позицию сейчас принято называть антикритериализмом. Согласно этой позиции, понятие идентичности (идентичности объекта самому себе) является первичным и не подлежащим никаким определениям; у идентичности не может быть критериев. В современной метафизике такой подход отстаивал Э. Дж. Лоу (E. J. Lowe; 1950–2015), выдающийся и до сих пор недостаточно оценённый философ. В его работах вопрос идентичности не ограничивается одной лишь идентичностью во времени (обычно самый обсуждаемый аспект проблемы, которому и Борисов уделил немалую часть внимания), а рассматривается в общем виде².

Соответствующие рассуждения Борисова мне хочется не просто поддержать, но и довести до крайности. Дело в том, что, применяя последовательно антикритериалистский подход, мы должны таким же образом трактовать идентичность не только объектов, но и предикатов. Не уверен, что Борисов к этому готов, но для меня это просто праздник.

Как пишет Борисов, «быть лысым в мире w — значит принадлежать экстенсионалу предиката „лысый“ для w ». А какой это может быть экстенсионал? С точки зрения антикритериализма (распространяемого, в данном случае, на идентичность предиката самому себе), здесь не будет никаких априорных критериев. Иными словами, он может быть каким угодно. Например, экстенсионалом предиката «лысый» в некоторых возможных мирах может быть «лохматый», то есть

---

²См., напр., (Lowe 1996). С упором на идентичность во времени см., напр., известную статью (Merricks 1998), а недавно — (Langford 2017).

прямая противоположность «лысости» как свойству. Подчеркну, что говорю в данном случае не об объекте, который в одних мирах лыс, а в других лохмат, а об объекте, который во всех мирах лыс и только лыс. Но существуют миры, в которых «лысость» означает свою противоположность, «лохматость». Лохматость тут является разновидностью лысости. Этот мой пример почерпнут из достоверного источника о персонаже, которого прозвали Лохматым исключительно по причине его полной лысости, — мультфильмов Олега Куваева о Масыне.

Подразумеваемая в таких случаях семантика присуща естественному языку при образовании так называемых непрямых значений слов³. В частности, она присуща иронии, при которой смысл термов или пропозиций (слов или предложений) часто заменяется на строго противоположный. Ирония часто строится на самом сильном, контрадикторном противоречии.

Возвращаясь к данному примеру, мы можем отметить, что идентичность предиката «лысый» предикату «лохматый» обеспечивается тем, что при образовании непрямого (а именно иронического) значения она просто назначается. Возникающее при этом контрадикторное противоречие в структуре кросс-мировой предикации придает иронии остроту.

В целом, имея теперь перед глазами разработанную Борисовым логику кросс-мировой предикации, я мог бы переформулировать наши с О. В. Митрениной представления об образовании непрямых значений следующим образом. Эти значения образуются тогда, когда в логику кросс-мировой предикации вносятся противоречия (контрарные, субконтрарные или контрадикторные). Вероятно, формализм Борисова (я должен это сказать, хотя понимаю, что это не обязательно обрадует автора) можно доработать таким образом, чтобы сделать в нём возможность включения противоречий эксплицитной. Имплицитно она уже в этом формализме содержится, так как VP-функции назначаются вполне произвольно — так что лысый в актуальном мире может оказаться лохматым в мире иронии, причём мир актуальный и мир иронии имеют общий домен и внутри этого домена речь идёт об одном и том же предикате одного и того же объекта, хотя он и приобретает взаимоисключающие экстенционалы этого предиката. Всё это может быть веселой шуткой в силу того, что речь идёт об одном и том же кросс-мировом предикате лысолохматости. Лысолохматость — это очень условное название данного предиката, оправданное только в контексте. В общем же случае тут ни один предикат не будет иметь собственного имени, если подразумевать под именем (или десигнатором) нечто связанное с дескрипцией, а не с прямой референцией вроде «токена» Рут Баркан-Маркус.

³Мы писали об этом подробно в статье (Лурье, Митренина 2020).

2. Логика нарратива

Кросс-мировая семантика Борисова даёт объяснение важной проблеме: почему персонажи художественных произведений могут вмешиваться в дела нашего реального мира: «...объект имеет свойства (положительные или отрицательные, как „быть лысым“ и „не быть лысым“) даже в тех мирах, где он не существует», и поэтому, например, предложение «Шерлок Холмс лыс» является истинным или ложным в реальном мире, а не только в возможном мире художественного нарратива Конан Дойля.

При этом Борисов отвергает семантику возможных миров в стиле Дэвида Льюиса, в которой миры взаимно непроницаемы, и объекты в них дублируются. Согласно Борисову, «домены миров могут пересекаться», что означает возможность существования одного и того же объекта во многих мирах сразу.

По-моему, этот подход интересен и не вызывает у меня никаких возражений. Но сразу вызывает вопросы и стремление к большему — к ещё более общей теории. Главный вопрос в том, как мы будем отличать пересечение доменов миров от пересечения самих миров. Из чего состоит мир, кроме домена? Это, конечно, вопрос о реальности (хотя бы для логики) «интенциональных сущностей» (*intensional entities*)⁴, совершенно аналогичный вопросу о том, из чего состоит множество (в смысле какой-либо теории множеств) помимо своих элементов. Ответ на этот вопрос зависит от выбора той или иной онтологии и той или иной метафизики, поэтому его не стоит здесь обсуждать. Можно, однако, заметить, что подход Борисова удобен при выборе номинализма — отрицания всякой реальности интенциональных сущностей. Он позволяет принимать во внимание только домены. При выборе любой онтологии в духе реализма (необязательно типа *universalia ante res*, но хотя бы *universalia in rebus*) будет удобнее другой логический аппарат, в котором к самому понятию возможного мира применяется понятие нечёткости⁵.

Чтобы почувствовать более непосредственно значимость обсуждаемой проблемы, лучше обсуждать не Шерлока Холмса или Пьера Безухова, а таких персонажей, которые появились впервые в так называемом реальном мире и уже из этого мира пролезли в иные миры. Замечательный теоретик нарратологии Любомир Долежел (1922–2017) берёт в качестве примера трёх Наполеонов: персонажа «Войны и мира», исторического Наполеона и персонажа одной американской пьесы, в которой Наполеону удалось сбежать со Святой Елены и дожить свои дни мирно в Новом Орлеане⁶. Этот пример можно заострить дополнительно, если провести различие между историческим Наполеоном и героем разных нарративов учёных-историков: герой этих нарративов если и приближается к историческому

⁴(Bealer 1998).

⁵После пионерской статьи (Suzuki 1997) появились другие работы и другие подходы; см., напр., (Murai *et al.* 2004).

⁶(Doležel 1998).

Наполеону, то только асимптотически.

Согласно наиболее очевидной интерпретации всего этого ансамбля Наполеонов в семантике Борисова, это во всех случаях один и тот же Наполеон, который, однако, сильно меняет свойства в зависимости от того мира, в котором он оказывается. Но, может быть, семантика Борисова допускает и более очевидный подход к ситуации: некий кросс-мировой объект обладает кросс-мировым предикатом «быть Наполеоном», причём VP-функция для этого предиката может задаваться любым способом. В качестве экстенционала этого предиката в каком-нибудь из возможных миров нас может ожидать неожиданность. Имя собственное «Наполеон» в названии этого предиката является даже не «жёстким десигнатором» Джона Стюарта Милля или Кришке, а «токеном» Баркан-Маркус.

Это вопросы, о которых можно задуматься и по которым я сам не имею определённого мнения. Постараюсь тогда хотя бы лучше сформулировать вопрос, и для этого позволю себе привести другой пример из классической литературы. Это одна из сцен цикла «Случаи» Даниила Хармса — «Пушкин и Гоголь» (1934; цитирую в авторской орфографии):

Гоголь (*падает из за кулис на сцену и смиренно лежит*).

Пушкин (*выходит, спотыкается об Гоголя и падает*): Вот чорт! Никак об Гоголя!

Гоголь (*поднимаясь*): Мерзопакость какая! Отдохнуть не дадут. (*Идет, спотыкается об Пушкина и падает*) — Никак, об Пушкина спотыкнулся!

Пушкин (*поднимаясь*): Ни минуты покоя! (*Идет, спотыкается об Гоголя и падает*) — Вот чорт! Никак, опять об Гоголя!

Гоголь (*поднимаясь*): Вечно во всем помеха! (*Идет, спотыкается об Пушкина и падает*) — Вот мерзопакость! Опять об Пушкина!

Пушкин (*поднимаясь*): Хулиганство! Сплошное хулиганство! (*Идет, спотыкается об Гоголя и падает*) — Вот чорт! Опять об Гоголя!

Гоголь (*поднимаясь*): Это издевательство сплошное! (*Идет, спотыкается об Пушкина и падает*) — Опять об Пушкина!

Пушкин (*поднимаясь*): Вот чорт! Истинно что чорт! (*Идет, спотыкается об Гоголя и падает*) — Об Гоголя!

Гоголь (*поднимаясь*): Мерзопакость! (*Идет, спотыкается об Пушкина и падает*) — Об Пушкина!

Пушкин (*поднимаясь*): Вот чорт! (*Идет, спотыкается об Гоголя и падает за кулисы*) — Об Гоголя!

Гоголь (*поднимаясь*): Мерзопакость! (*Уходит за кулисы*).

За сценой слышен голос Гоголя: «Об Пушкина!»

Занавес

Как связаны эти Пушкин и Гоголь возможного мира «Случаев» и Пушкин и Гоголь исторические? Те, кто ответят «никак», посчитают и саму эту сцену бессмысленной, но другие читатели им ответят, что они просто не поняли художественного произведения и художественной правды рассказа. С точки зрения этих читателей хотелось бы узнать, как будет сказать правильное: проявили ли Пушкин и Гоголь свои кросс-мировые предикаты в этой произошедшей между ними сцене — и если да, то какие, — или же кросс-мировые предикаты «быть Пушкиным» и «быть Гоголем» остались верны тем индивидуальным объектам, с которыми они изначально явились в мир: ведь вся эта сцена интересна только для тех, кто смог узнать в её героях привычных ему Пушкина и Гоголя. Если бы Пушкин и Гоголь не появились в мире физической реальности, то они не смогли бы проникнуть в возможный мир «Случаев» Хармса.

Кажется, чтобы однозначно высказаться за второй подход, мы можем ещё немного усложнить сцену из Хармса. Предположим, в ней Пушкин и Гоголь регулярно не спотыкались бы друг о друга, а превращались друг в друга. В таком случае, по-моему, объект предикации бы не менялся, а предикатом надо было бы считать именно «быть Пушкиным» и «быть Гоголем» или «быть попеременно то Пушкиным, то Гоголем».

Тут есть над чем подумать, а я сейчас возвращаюсь к нечёткости возможных миров. Если мы переформулируем пример с Шерлоком Холмсом на манер примеров с Наполеонами и Пушкиным и Гоголем, то мы получим предикат «быть Шерлоком Холмсом» и возможные миры, в доменах которых он либо лыс, либо не лыс. Но теперь у нас не будет очевидного (как в случаях Наполеонов и Пушкина и Гоголя) понимания этого предиката для реального мира. Нам становится затруднительно объяснить, что значит для реального мира вымышленный Шерлок Холмс. Вот тут бы и могла помочь нечёткая (fuzzy) семантика возможных миров, в которой было бы эксплицировано, что степень исключительности некоего одного реального мира иной раз бы и не стоило преувеличивать.

Тут, конечно, не место развивать тему единственности и исключительности так называемого актуального, или реального, мира, но достаточно сказать, что, например, логик размеров достаточно небольших, — прямо скажем, квантовых — столкнулся бы с серьезными трудностями при попытке применить к своей суровой квантовой реальности такую семантику возможных миров, в которой маркирован и считается априорно известным один-единственный актуальный мир. Конечно, даже такой маленький логик имеет право сказать «С моей точки зрения...», но у него эта точка будет подчинена соотношению неопределённостей Гейзенберга.

Можно подойти к той же проблеме и со стороны нашей рецепции реального мира: наше представление о реальном нельзя смешивать с реальностью как таковой и нельзя полностью освободить от воображаемых данных, полученных в том числе из художественной литературы. То, что мы сами для себя считаем реальным миром, складывается не напрямую из данных наших чувств, а из того,

во что превращают эти данные наши когнитивные способности — сформированные образованием, принятыми где-то взглядами, научными данными, суевериями и много чем иным, среди чего на почётном месте может находиться и художественная литература. Внутри того, что у нас вместо «реального мира» находится в нашей ментальной реальности, то есть того, что для нас по-настоящему актуально, вполне может оказаться и живой Шерлок Холмс. Поэтому «актуальный мир», под которым многие теоретики семантики возможных миров подразумевают какую-то единственную и общую для всех объективную реальность, является таким же воображаемым объектом, как идеальный газ.

3. Сравнение и соотнесённость

Кросс-мировая предикация обычно встречается в ситуациях сравнения, но, как показывает Борисов, не только сравнения. Для последнего варианта он приводит два примера. Первый из них — «Мэри всегда будет любить Париж, каков он сейчас, больше, чем Лондон, каким он когда-либо был». Этот пример или неудачен, или требует дополнительных пояснений, поскольку слово «больше» является *сравнительной* степенью прилагательного «большой». Как сравнительная степень может не означать сравнения, и что она в таком случае может означать, — вопрос нетривиальный. В данном примере, хотя и упоминаются отношения трёх объектов (Мэри, Парижа и Лондона), попарно сравниваются только два из них: Париж (в некотором возможном мире) и Лондон (в некотором другом возможном мире). По-моему, это кросс-мировое сравнение двух меняющихся во времени объектов, сделанное с точки зрения, находящейся вне обоих миров, к которым принадлежат сравниваемые объекты, а именно с точки зрения вечной (которая «всегда» будет любить) Мэри, *sub specie*, так сказать, *aeternitatis*. В отличие от Парижа и Лондона, Мэри в этом примере не меняется в зависимости от времени.

Другой пример, по-моему, точнее выражает мысль автора о необязательности сравнения для установления кросс-мировой предикации: «Джон, каков он сейчас, Пол, каким он когда-то был, и Ринго, каким он однажды станет, составили бы хорошее виолончельное трио».

В этом примере нельзя, однако, не заметить, что Джон, Пол и Ринго сопоставляются с какими-то реперными точками: каждому приписывается некоторое значение на координатной оси времени, причём обозначение этих значений даже эксплицитно дано относительным способом — относительно некоторой точки «сейчас», в которой находится говорящий. Джон тоже находится в этой точке, а Пол и Ринго по разные стороны от неё. Тут подразумевается соотнесённость всех трёх музыкантов с самими собой в актуальном состоянии: для Джона тут совпадение, для Пола и Ринго отличие. Эта соотнесённость даёт ответ на вопрос, как нужно изменить этих музыкантов, чтобы они смогли сделать то, чего они не могут сделать сейчас, — составить хорошее виолончельное трио. В широком смыс-

ле слова это все-таки сравнение: у нас есть такая-то данность — существующие «сейчас» три музыканта, — и мы должны найти ситуацию, в которой они могли бы сделать то, чего они «сейчас» сделать не могут, то есть найти для каждого из них необходимые отличия от их состояния «сейчас». Чтобы выбрать нужное нам состояние каждого музыканта, мы должны сравнивать.

Но все же лучше не спорить о словах и вместо слова «сравнение» употребить для данного случая более общее слово «сопоставление». Сопоставление, как мне кажется, всегда должно присутствовать в кросс-мировых пропозициях, так как они формулируются ради смыслов, актуальных для актуального мира говорящего.

* * *

Евгения Борисова нужно поблагодарить за начало разговора о большой области проблем, логическая разработка которой сильно затормозилась, поскольку такой подход к семантике возможных миров не был близок её наиболее авторитетным теоретикам, прежде всего Дэвиду Льюису. Между тем потребность в такой разработке давно назрела в различных прикладных для логики областях, из которых я назвал логику естественного языка и нарратологию.

Литература

- Лурье, Митренина 2020 — *Лурье В. М., Митренина О. В.* Непрямые значения в естественном языке и неконсистентные логики // *Логико-философские штудии*. 2020. Т. 18, № 2. С. 71–111.
- Bealer 1998 — *Bealer G.* Intensional entities // *Routledge Encyclopedia of Philosophy*. Abingdon: Taylor and Francis, 1998. DOI: 10.4324/9780415249126-X019-1.
- Doležel 1998 — *Doležel L.* Heterocosmica: Fiction and Possible Worlds. Baltimore—London: Johns Hopkins University Press, 1998. (Parallax: Re-visions of Culture and Society).
- Langford 2017 — *Langford S.* A Defence of Anti-Criterialism // *Canadian Journal of Philosophy*. 2017. Vol. 47. P. 613–630.
- Lowe 1996 — *Lowe E. J.* Subjects of Experience. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.
- Merricks 1998 — *Merricks T.* There Are No Criteria of Identity Over Time // *Noûs*. 1998. Vol. 32. P. 106–124.
- Murai *et al.* 2004 — *Murai T., Nam Huynh V., Kudo Y., Nakata M.* A Note on Fuzzy Reasoning and Granularized Possible Worlds // *AIP Conference Proceedings*. 2004. Vol. 718. P. 317–327. DOI: 10.1063/1.1787335.
- Suzuki 1997 — *Suzuki N.-Y.* Kripke Frame with Graded Accessibility and Fuzzy Possible World Semantics // *Studia Logica*. 1997. Vol. 59. P. 249–269.